

ИНДЕКСЫ

Говорю я плохо, гораздо хуже, чем думаю: буквы не успевают складываться в слова и падают из моего худого рта, словно бусинки с порвавшейся нитки. Зато я могу сочинять. Я сочиняю книгу. Она всегда со мной, всегда в моей голове.

В моей комнате два окна. Одно большое, вертикальное. В нём почти всегда темно, лишь иногда солнце проступает редкими пятнами или полосами. Другое поменьше и горизонтальное. Это телевизор. Он всегда настроен на один и тот же канал, где показывают торсы людей, разные картинки и текст, который исчезает быстрее, чем я успеваю его прочитать. Однажды мне повезло, и экран телевизора застыл, будто замороженный. Текста на нём было мало, так как большую часть занимал человек со смешно открытым ртом, а сверху были буквы, цифры и стрелочки. Стрелочка определяла цвет всей надписи: если она была направлена вниз, то — красный, а если вверх, то — зелёный. Под замершим человеком была целая строка, но я так и не понял, что в ней было написано. Я вчитывался в неё раз за разом, пока не пришла Мария. Она что-то сделала с маленькой чёрной коробочкой, которая стояла у телевизора, и его экран снова ожил.

Мария приходит ко мне один-два раза в день. Она приносит тазик с водой, мусорный пакет и сероватые тряпки. Тазик с тряпками она ставит на табурет рядом с кроватью, надевает перчатки и задирает моё одеяло. Его — одеяло — она собирает на моей груди складчатым горным хребтом, из-за которого я не вижу нижнюю часть себя. И, судя по появляющимся запахам, кислым и резким, смотреть там не на что. Лицо у Марии каменеет, а движения становятся механическими. Сначала она, после небольшой заминки, выбрасывает в мусорный пакет бело-жёлтый свёрток, а потом намачивает в тазике одну из тряпок. Этой тряпкой, не забывая её иногда окунать в тазик, она делает по мне

несколько продольно-поперечных движений. Затем Мария повторяет то же самое, но уже другой, сухой, тряпкой. Под конец, перед тем как разровнять горный хребет одеяла, она с усилием на меня что-то надевает.

Кормит меня Мария с ложечки. Жидкой смесью с комочками. Наверное, это каша. Впрочем, вкус я чувствую неважно, да и мне, в общем-то, всё равно. А заканчивается трапеза стаканом воды, который Мария, аккуратно наклоняя, держит у моего рта.

Не знаю как, но Мария с нами давно. Она появилась, когда ещё был жив отец. Молодая и наигранно весёлая она зашла тогда ко мне в комнату, чтобы познакомиться. Нет, в тот момент она сохранила и улыбку, и бодрость в голосе, но вот её глаза... Хотя, при чём тут её глаза? Я своих-то сто лет не видел и забыл уже какого они цвета. А Мария меня кормит, ухаживает за мной, и благодаря этому я могу сочинять свою книгу.

Командор «Зелёных» склонился над горизонтальной проекцией текущего сектора галактики. В рубке штабного корабля, кроме него, никого не было. Командор, не отрывая взгляда от карты, дал бортовой системе голосовой приказ: вывести на связь Старшего помощника.

— Да, мой Командор, — раздался приглушенный голос Старпома.

— Как прошла Ваша вахта?

— Штатно, мой Командор. Без происшествий.

— Можно без чинов. Что на участке шестнадцать двадцать три?

— Боевое развёртывание перед пространственно-временным прыжком завершено.

— Хорошо. Есть новые данные по Красным?

— Никак нет. Последние координаты я доложил Вам три часа назад.

— Благодарю за службу, Старпом. Отдыхайте.

— Служу Великому Звёздному Морю, мой Командор!

Приложив левую ладонь к сканеру, Командор открыл секретный файл с рапортом, в котором, как и всегда, была только одна строчка — набор букв и цифр — *BTC 8657,26 -0,28%*. Ему было очевидно, что «*BT*» — это Бетельгейзе. Неясным оставался только довесок «*C*» и используемая единица измерения в цифровой части координат.

«Что же это может значить: корпус, квадрат, квантование? — продолжил размышлять Командор. — По цифири тоже пока непонятно: в парсеках, даже с учётом процентной поправки, это огромное расстояние, и в этом случае привязка к системе Бетельгейзе утрачивает всякий смысл. Скорее всего, это величина выражена в астрономических единицах. Ладно, пусть Вычислители поработают, ведь они, хвала Информатору, никогда не ошибаются. Но как бы там ни было, по Конвенции сектор Бетельгейзе — это наша зона ответственности. И появление здесь Красных может означать только одно: противостояние из разряда приграничных стычек без опознавательных знаков переходит в фазу открытой и масштабной войны!»

Весь день по телевизору показывали одно и то же: с одного края — половинка человека, а с другого края — повторяющиеся картинки с людьми, которые опускали белые листы в большие прозрачные коробки. Моих красных и зелёных стрелочек не было. Вместо них мелькали строчки, где постоянно упоминалось слово «*явка*» и символ процента. Этим я был расстроен, можно сказать, раздражен. Я даже отказался есть, отвернув голову от ложечки, на что Мария лишь пожала плечами и унесла тарелку. Зато воду я выпил без капризов. Мария вытерла мне рот и подборок и ушла.

Чтобы не смотреть на опостылевший видеоряд, я поднял линию взгляда на самый верх экрана, под рамку его пластикового корпуса. Именно там возникали цифры и стрелочки двух цветов, и именно они были так нужны мне сейчас.

Наконец, они появились, и я смог запомнить самое важное из этого Послания. Я всегда запоминаю только самое важное.

Командующий «Красных» снял голографические очки и, закрыв глаза, надавил пальцами на переносицу. Эта повторённая несколько раз процедура ему помогла: блики и пятна ушли. Давая глазам отдохнуть, он ещё минут пять смотрел на серую стену бункера. Потом Командующий водрузил очки обратно и сделал правым глазом кодовое движение для распознавания. Загрузив последние сводки, Командующий начал с тех, что были помечены как важные.

Вскоре в правом нижнем углу замерцал значок вызова. «Господин Командующий, получены сведения от Информатора», — доложил Старший лейтенант Службы межгалактической разведки. «Выводите по защищённому каналу», — приказал Командующий и сразу переключился, не дожидаясь уставного ответа от старлея.

Как и обычно, перед глазами Командующего проявилась всего одна строка, и в ней на этот раз значилось: *AU 5750,00 +1,98%*. Бывалый военный недоуменно прочитал донесение ещё дважды. «Неужели AU Микроскопа? Интересно, что Зелёным могло понадобиться в этом захолустье: сектор-то стратегического значения не имеет, да и до наших баз далековато?!» — сам с собой рассуждал в таком ключе Командующий, пока не получил доклад Аналитического центра. Их расшифровка координат совпала с его догадкой, и он, взбодрившись, направил видеовывоз своему адъютанту.

— Господин Командующий! — гаркнул прямой как струна адъютант, точнее, его голограмма.

— Секретный приказ высшим офицерам штаба. По получении отправить незамедлительно.

— Слушаю, господин Командующий.

— В системе AU Микроскопа планируется выход из прыжка крупных сил противника. Приказываю Первому центру обеспечить в заданном районе

установку гравитационных ловушек по схеме «Куб». Срок исполнения — сутки по времени Основной базы. Подразделения, задействованные в операции «Бетельгейзе», работают согласно ранее утверждённому плану. Конец приказа.

— Принял, господин Командующий.

— Выполняйте.

— Слушаюсь! Служу Бескрайней Вселенской Тверди!

Сегодня мне совсем плохо. В глазах постоянно темнеет, и я боюсь, что упущу Послание. Несколько раз я проваливался в какой-то то ли сон, то ли обморок, и даже видел в нём отца. По его лицу текли слёзы, и отец неловко вытирал их своими тёмными руками. Мне хотелось успокоить его, но я не мог остаться рядом. Мне нужно было идти. Мне нужно было увидеть буквы, цифры и стрелки. Мне нужно было запомнить их.

Пришла Мария. Она посмотрела на меня с тревогой и, как мне показалось, со смутной надеждой. От её еды и питья я отказался, но Мария не ушла. Она осталась в соседней комнате — я это чувствовал.

Послания всё не было. Я смотрел в телевизор и ждал. А тот постепенно, с каждым усилием моих глазных мышц, заполняла чернота. Наконец, он стал просто чёрным прямоугольником, за который потянула некая неведомая сила, и она, словно носок, вывернула меня вместе с комнатой снаружи вовнутрь. И стало темно и спокойно.

Командующий «Красных» в бешенстве швырнул очки в стену и рывкнул в сторону двери: «Адъютант!» Через секунду подчинённый замер на пороге. Адъютант был бледен, но стоял по-прежнему навытяжку.

— Да, господин Командующий!

— Чёрт побери, что со связью?!

— Господин Командующий, не отвечает ни одна из наших баз, так же как молчат и группировки кораблей. На связи только наш орбитальный модуль. Его навигаторы вот-вот сообщили, что их оборудование больше не видит соседние галактики.

— Что значит: не видит?

— То, что их больше не существует, господин Командующий.

— А что Информатор?

— Господин Командующий, этот канал закрылся.

— Вы свободны, — через паузу выдавил из себя Командующий и махнул рукой на адъютанта, прерывая тем самым его стандартный ответ.

Оставшись один, Командующий приложил большой палец правой руки к сканеру и достал из выдвинувшегося ящика стола табельное оружие. «И куда раньше смотрели эти слюнтяи-учёные? Столько денег выделяется на их телескопы с компьютерами, и всё зря. Вселенная у них, видите ли, погибает. И это сейчас, когда под Бетельгейзе можно окончательно решить вопрос с Зелёными! — ворчал он, любовно протирая платком ствол и рукоятку. — Эй, адъютант, прибери за мной».

— Мой Командор, наши колонии не отвечают. Молчит Метрополия и флот. Утрачена связь с Информатором.

— Тогда, Старпом, мы летим в Метрополию!

— Это невозможно, мой Командор. Наши карты не соответствуют текущему состоянию вселенной. Мы не знаем координаты входа и выхода.

— Значит, ложимся в дрейф.

— Слушаюсь, мой Командор... Разрешите вопрос?

— Можно без чинов. Разрешаю.

— Скажите, это... конец?

— Для Старпома и Командора, видимо, да. А дальше кто знает?..

Мария огляделась в непривычно пустой комнате. Затем подошла к кровати и, вместе с подушкой, одеялом и простынёй, скрутила матрац в неплотный рулон. Верёвкой, связанной из двух поясов от старых халатов, она стянула этот рулон и оставила его на кровати.

Сама она присела на табурет, что стоял у кровати спинки. С минуту, а может, две Мария сидела с отрешённым взглядом, пока мельтешение на экране не вывело её из этого состояния. Она встала и выключила телевизор в тот самый момент, когда на смену рекламному блоку пришли биржевые новости: индексы валют, драгметаллов, нефти и крипты.